Автор: admin
24.10.2010 05:02 - Обновлено 02.11.2014 11:14

Кто не ужаснулся бы при мысли о необходимости повторить свое детство и не предпочел бы лучше умереть?

Блаженный Августин

В большинстве древних обществ обращение с детьми было крайне суровым, а по современным меркам - даже жесто-ким. Американский ученый Ллойд Демоз имел все основания начать свою статью «Эволюция детства» словами: «История детства - это кошмарный сон, от ко-торого мы только недавно начали пробуж-даться. Чем глубже уходишь в историю, тем ниже уровень ухода за детьми и тем чаще детей убивают, бросают, бьют, терроризируют и насилуют».

В результате плохого и небрежного ухода даже в XVII-XVIII веках в странах Западной Европы на первом году жизни умирали от одной пятой до одной трети всех новорожденных, а до 20 лет дожи-вали меньше половины.

Это не значит, что детей вообще не любили. Средневековые хроники, жития святых и личные документы эпохи Воз-рождения донесли до нас множество тро-гательных историй о ласковых матерях и заботливых воспитателях. Искренней любовью к детям и беспокойством за них наполнены, например, письма к сыну княгини Евдокии Урусовой, писанные ею из тюрьмы в 70-х годах XVII века: «Ох, мой любезный Васинька, не видишь ти моего лица плачевного и не слышишь моего рыдания слезного, не слышишь, как рыдает сердце мое а тебе и душа моя а тебе сокрушаетца&»

Однако это не было и не могло быть всеобщим правилом.

Высокая рождаемость и еще более высокая детская смертность делали жизнь отдельного ребенка, особенно если он не был первенцем, далеко не такой ценной, как сегодня. В крестьянской среде гос-подствовала установка: «Бог дал, бог взял».

Знатные люди пышно праздновали ро-ждение детей, но довольно спокойно пе-реживали их потерю. Монтень пишет: «Я сам потерял двоих-трех детей, правда в младенческом возрасте, если и не без некоторого сожаления, то, во вся-ком случае, без ропота». Такая кокетли-вая неопределенность относительно числа умерших детей ныне вызвала бы негодование. В XVI веке это было нор-мально.

Известный русский мемуарист XVIII века А. Т. Болотов писал по поводу смер-ти своего первого сына: «Оспа& похитила у нас сего первенца к великому огорче-нию его матери. Я и сам хотя и пожерт-вовал ему несколькими каплями слез, од-нако перенес сей случай с нарочитым твердодушием: философия моя помогла мне много в том, а надежда& вскоре опять видеть у себя детей, ибо жена моя была опять беременна, помогла нам через короткое время и забыть сие несчастие, буде сие несчастием назвать можно».

Эта странная для современного челове-ка холодность не столько проявление философского стоицизма, сколько психо-логическая защитная реакция на то, что случалось слишком часто. Фатализм и сми-рение были в этих условиях естественны. Характерно в этом смысле значительно более позднее рассуждение героя толстов-ской «Крейцеровой сонаты» Позднышева (на него обратил внимание А. Г. Вишнев-ский), который осуждает свою жену за ее переживания по поводу болезней и смерти детей: «Если бы она была совсем живот-ное, она так бы не мучалась; если же бы она была совсем человек, то у нее была бы вера в бога, и она бы говорила и ду-мала, как говорят верующие бабы: «Бог дал, бог и взял, от бога не уйдешь». Она бы думала, что жизнь и смерть как всех людей, так и ее детей, вне власти людей, а во власти только бога, и тогда бы она не мучалась тем, что в ее власти было предотвратить болезни и смерти де-тей, а она этого не сделала».

Дело не только в религиозном фана-тизме. Эмоциональный контакт и взаимо-понимание, без которых мы сегодня не мыслим родительских отношений, в прошлом были редкими. Прежде всего они были не совместимы с жесткими правилами этикета. Принцип почтения к старшим создавал между родителями и детьми социальную и психологическую ди-станцию, которую обе стороны не смели нарушить. Кое-где, например, у народов Кавказа, существовали даже нормы взаим-ного избегания. У абхазов мать не долж-на была первое время подходить к мла-денцу, а отец избегал показываться рядом с ребенком в течение многих лет. У ады-гов детей воспитывали не столько роди-тели, сколько другие члены большой семьи, особенно бабка и дед.

У многих народов было принято отда-вать детей на воспитание, выкармлива-ние в чужие семьи. Подобные очень древние обычаи существовали у многих кельтских,

германских, славянских, тюрк-ских и монгольских народов. Одна из форм - кавказское аталычество - пер-воначально была, очевидно, всеобщей. В Абхазии его отдельные случаи известны даже в конце XIX - начале XX века, когда у других народов Кавказа обычай сохранился только среди феодалов.

Слово «аталык» (от тюркского «ата» - отец) буквально означает «лицо, заме-няющее отца, выступающее в роли отца». Вот как описывает этот обычай извест-ный этнограф-кавказовед Я. С. Смирнова:

«Воспитание ребенка в семье аталыка в принципе не отличалось от воспитания в родительском доме. Разница была лишь в том, что, по обычаю, аталык должен был воспитывать ребенка еще более тща-тельно, чем собственных детей. Впослед-ствии обоим предстоял своего рода экза-мен: воспитанник должен был публично показать все, чему его научили. Про-исходило это уже в родительском доме, куда у адыгов юноша обычно возвращал-ся, по одним данным, с наступлением совершеннолетия, по другим - ко време-ни женитьбы. У части адыгских групп, у других народов, у которых аталычество было выражено слабее, в частности у осе-тин, ребенка могли вернуть значительно раньше.

За все эти годы ребенок виделся с роди-телями не более одного-двух раз. При этом родители, следуя обычаям избегания, при свидании никак не проявляли своих чувств и даже делали вид, будто не узна-ют сына. Тот, со своей стороны, зача-стую даже не знал, кому его привезли показать. Поэтому воспитывавшийся у аталыка юноша возвращался в родитель-ский дом как в чужую семью, и должны были пройти годы, прежде чем он привы-кал к родне. Между братьями, которые всегда воспитывались у разных аталыков, сохранялась отчужденность. Напротив, с семьей аталыка у воспитанника устанав-ливалась близость, приравнивавшаяся ада-тами к кровной, если не большей».

Ученые по-разному объясняют это яв-ление. Одни ставят во главу угла пе-дагогические мотивы: детей отсылали из дома, чтобы не разбаловать их. Другие связывают происхождение института воспитательства с первобытной общностью детей. Третьи подчеркивают, что, отдавая детей на воспитание в чужую семью, тем самым укрепляли внутриобщинные связи, в частности феодальную взаимоза-висимость. Четвертые выдвигают на пер-вый план функцию ученичества, необхо-димость обучения детей занятиям, кото-рыми трудно овладеть в рамках роди-тельской семьи.

По-видимому, речь идет о разных со-циальных институтах. В одних обществах в чужие семьи передавали всех детей, в других - преимущественно или только мальчиков. Вероятно, это было связано с более высоким социальным статусом мальчиков и необходимостью подготовки их к внесемейной деятельности. Разны-ми были и типы «кормильцев».

В феодальной Черкесии детей отдавали в семьи, стоявшие по сословному поло-жению ниже родителей ребенка, причем строго по рангу. В средневековой Евро-пе аристократические семьи, напротив, по-сылали своих отпрысков в вышестоящие королевские и княжеские дворы, где вы-полнение определенных социальных функ-ций - пажей, оруженосцев и т. п.- соче-талось с рыцарским обучением и образова-нием. Например, английский поэт Д. Чо-сер с 12 до 17 лет прослужил при дворе графини Ольстерской. Простые, незнатные семьи часто отдавали детей на правах воспитанников и домашних работников бо-лее состоятельным родственникам и сосе-дям. Многие дети воспитывались в мона-стырях, позже, с XII века,- в закрытых школах-интернатах, университетах и ре-месленных цехах. Строгих возрастных норм на сей счет раннее средневековье не знало: детей отдавали то в три, то в семь, то в девять-десять лет. Однако внесемейное воспитание было длительным и довольно массовым. По подсчетам Л. Стоуна, в Англии XVI-XVII веков вне родительских семей воспитывались приблизительно две трети мальчиков и три четверти девочек.

По-разному строились и взаимоотноше-ния между семьей «кормильца» и семьей родителей ребенка. Кавказское аталычество приравнивалось к кровному родству, причем отец ребенка, занимая более вы-сокое положение, автоматически стано-вился покровителем всей семьи аталыка. Западноевропейские формы «воспитательства» выглядят более отчужденными, функциональными; хотя они создавали оп-ределенную взаимозависимость семей, по-роднения при этом не происходило. Связь между ребенком и его молочными братья-ми была, скорее, индивидуальной, не рас-пространяясь на остальных членов семьи.

Варьировалось и положение воспитуемого. При передаче сверху вниз ребе-нок становился не только равноправным, но и привилегированным членом новой семьи - ему уделяли даже больше вни-мания, чем собственным детям, за него не-сли повышенную ответственность, видя в нем будущего покровителя всей семьи. При более или менее равном статусе воспитанник пользовался теми же права-ми, что и остальные дети. При ремеслен-ном ученичестве или воспитании за плату положение ребенка было зависимым, с ним часто обращались жестоко, а его труд экс-плуатировался.

Как бы то ни было, ребенок, выра-ставший в чуждой семье, был психоло-гически ближе к ней, чем к собствен-ным родителям, а они, в свою очередь, не могли чувствовать к нему ту привя-занность, которая создается лишь годами повседневного контакта. Их взаимоотно-шения регулировались не столько инди-видуальными чувствами, сколько социаль-ными нормами, сознанием родственных обязанностей и правилами этикета.

Нормы старшинства неукоснительно со-блюдались и в самой патриархальной семье. Вот, например, как описывал взаи-моотношения детей и родителей в русской семье XVI-XVII веков известный русский историк Н. И. Костомаров: «Между роди-телями и детьми господствовал дух раб-ства, прикрытый ложною святостью пат-риархальных отношений& покорность де-тей была более рабская, чем детская, и власть родителей над ними переходи-ла в слепой деспотизм, без нравствен-ной силы. Чем благочестивее был роди-тель& тем суровее обращался с детьми, ибо церковные понятия предписывали ему быть как можно строже& Слова почи-тались недостаточными, как бы они убеди-тельны ни были& «Домострой» запреща-ет даже смеяться и играть с ребен-ком».

Согласно уложению 1649 года, дети не имели права жаловаться на родителей; убийство сына или дочери каралось всего лишь годичным тюремным заключением, тогда как детей, посягнувших на жизнь родителей, закон предписывал казнить «безо всякие пощады». Это неравенство было устранено только в 1716 году, при-чем Петр I собственноручно приписал к слову «дитя» добавление - «во младен-честве», ограждая тем самым жизнь но-ворожденных и ютдных детей.

Жестокими были и методы воспитания. Уже цитированный А. Т. Болотов расска-зывает, что на одном из уроков он по-лучил от учителя-немца 200 ударов роз-гой, но пожаловаться отцу не посмел. Даже в Петровскую эпоху, когда педагоги-ка «сокрушения ребер» стала подвергаться критике, строгость и суровость с детьми остаются непререкаемой нормой. По сло-вам В. Н. Татищева, младенец до две-надцати лет «упрям, не хочет никому по-виноваться, разве за страх наказания; свиреп, даже может за малейшую до-саду тягчайший вред лучшему благодетелю учинить; непостоянен, зане как дружба, так и злоба не долго в нем пребы-вают».

В конце XVIII века А. Н. Радищев красноречиво призывает к отказу от прин-ципа родительской власти и воздаяния за «подаренную» детям жизнь: «&изжените из мыслей ваших, что вы есте под властию моею. Вы мне ничем ^не обязаны. Не в рассудке, а меньше еще в законе хощу искати твердости союза нашего. Он оснуется на вашем сердце». Однако подоб-ные взгляды были в то время не прави-лом, а исключением.

Постепенно семейные нравы смягча-лись. Тем не менее Н. П. Огарев, родив-шийся в 1813 году, писал о своем отце: «Несмотря на мягкость, он был деспотом в семье; детская веселость смолкала при его появлении. Он нам говорил «ты», мы ему говорили «вы»& Внешняя покорность, внутренний бунт и утайка мысли, чувства, поступка - вот путь, по которому про-шло детство, отрочество, даже юность. Отец мой любил меня искренне, и я его тоже; но он не простил бы мне слова иск-реннего, и я молчал и скрывался».

Об унылом «затворничестве» родитель-ского дома, где «строптивая и ненужная заботливость о физическом здоровье» сочеталась «с полным равнодушием к нрав-ственному» и мелочным надзором, от кото-рого его освободила только& ссылка, пи-шет и Герцен.

Следует подчеркнуть, что подобный стиль воспитания не был специфически русским явлением. Один немецкий учи-тель хвастался, что за годы своей пе-дагогической деятельности ученики по-лучили от него 911 500 палочных уда-ров, 124 000 розог, 137 тысяч шлепков и свыше миллиона ударов кулаком по уху. Жена Джона Мильтона жаловалась, что не могла спокойно слушать плач избивае-мых им племянников.

Продолжение следует

источник http://articleshome.ru/bit-ili-ne-bit-istoricheskaya-porka/